

Человек у подножия горы.

Восемнадцать тысяч ступеней.

Я иду один.

Позади — плотно закрытые горные ворота Секты Лазурного Облака, откуда еще доносится смутный шум празднеств. Неизвестно, на каком из пиков уже начали запускать фейерверки.

Я делаю шаг и замираю.

Фейерверки?

Чтобы выгнать меня, нужно запускать фейерверки?

— Старший соученик Сюй Ань навеки в наших сердцах! — раздается полный сил возглас изнутри горных ворот, за которым следует дружный хор голосов.

— Навеки!

— Скатертью дорожка!

— Больше не возвращайся!

Я делаю глубокий вдохивыдох.

Я не злюсь. Я Конфуцианский Мудрец. В животе Святого поместится целая лодка.

И тут в животе раздается громкое урчание.

...Ладно, лодка пошла ко дну.

Да и плевать. Раз спускаюсь, значит, так тому и быть. Велик ли свет, неужели я, Конфуцианский Мудрец, с голоду умру?

Я ускоряю шаг и иду вниз. Пройдя триста ступеней, я кое о чем вспоминаю.

Дух массива только что сказал, что у подножия горы меня кто-то ждет.

Тот самый человек, о котором ты чаще всего говорил в те годы.

Кто же это в конце концов?

Я трачу все время на спуск на воспоминания, перебирая в уме двенадцать лет — с шестилетнего возраста, когда я только пришел в секту, и до восемнадцати, когда стал Святым, — пытаюсь вспомнить, с кем за это время я говорил больше всего.

Сперва исключаем Учителя. Мои разговоры с Учителем в основном носили односторонний характер: Учитель, ученик неправ; Учитель, ученик больше так не будет; Учитель, ученик правда больше не посмеет — каждая фраза не длиннее десяти иероглифов, чистой воды неэффективная коммуникация.

Старший соученик? С ним я говорил немало, но в основном в духе: Старший соученик, у тебя такая красивая борода, или: Старший соученик, не мог бы ты научить меня летать на мече? В итоге он сам себя подставил фразой: Моя борода растет задом наперед, а другая его фраза — Если такой человек, как ты, станет Святым, я съем меч — до сих пор не воплотилась в жизнь.

Второй старший соученик? Мы с ним ругались. Я ругал его: Никаких устремлений у тебя в жизни нет, и теперь его уровень культивации намертво заперт на Стадии Закладывания Основы: каждый раз, когда я поднимаюсь на ранг выше, он падает на ранг ниже. Какой грех.

Третья старшая соученица?

Я останавливаюсь.

То, что я говорил Третьей старшей соученице... кажется, было довольно многим.

В тот год, когда я только поступил в секту, мне было шесть, а ей — одиннадцать, и ей поручили познакомить новенького ученика с окрестностями. Она взяла меня за руку и целый день водила по Секте Лазурного Облака, приговаривая по дороге: С сегодняшнего дня ты под моей защитой.

Я киваю: Спасибо, старшая соученица.

Зови меня сестрой.

...Сестра.

Она треплет меня по макушке, и ее глаза улыбочиво изгибаются: Умница.

После этого я действительно еще лет семь-восемь ходил за ней по пятам и звал сестрой. Пока в четырехлетнем возрасте я не заметил, что каждый раз, когда я произношу селá, мое сердце начинает биться быстрее, и тогда я излишне умничаю и переключаюсь на старшая соученица.

Она надолго замирает и спрашивает: Как ты меня назвал?

Старшая соученица.

Она долго смотрит на меня, а в конце концов ничего не говорит, поворачивается и уходит.

Тогда я понятия не имел, в чем провинился. Позже Второй старший соученик рассказывал мне, что в тот вечер Третья старшая соученица просидела в своей комнате всю ночь и так и не вышла.

С тех пор слов между нами стало меньше.

Но до этого на каждое мое селá она неизменно отзывалась.

Считается ли это тем, с кем я говорил больше всего?

Я качаю головой. Нет. Если Дух массива имеет в виду старшую соученицу, она должна быть внутри горных ворот, а не у подножия горы.

Продолжаю размышлять дальше.

Младший соученик Ли Гуаньци, с которым мы делили один двор? Я учил его грамоте, и мы говорили каждый день. Но в основном это было вроде: Этот иероглиф читается как Дао, а не Шоу.

Старейшина Ван из Зала Дисциплины? Когда он наказывал меня переписыванием правил секты, я обращал немало приветственных слов к его спине. Если бы все эти слова заархивировал Небесный Путь...

У меня внезапно начинают подкашиваться ноги.

И тут я вспоминаю человека, о котором давно позабыл.

Десять лет назад, когда мне только исполнилось восемь, я встретил раненого юношу на обрыве за Павильоном Свитков. Весь в крови, он лежал в куче обломков камня, а на груди зияла глубокая, до кости, рана от меча.

Я смертельно испугался, спросил, как его зовут, откуда он и кто его ранил. Он всё молчал.

Я снял собственную верхнюю одежду, накинул на него, а потом побежал обратно в секту, стащил две склянки лекарственных пилюль и запихнул их ему скопом.

Он проглотил лекарство, перевел дыхание, открыл глаза и посмотрел на меня.

Ты спас меня, — произнес он. — Я отплачу тебе за это.

Я ответил: Не нужно отплачивать, главное — живи.

Он снова сказал: Я задолжал тебе жизнь. Если в будущем понадобится, на край света явлюсь, но верну.

Тогда мне было восемь, я не знал, что ответить, и выпалил, подражая тону из старых пьес:

Хорошо, тогда запомни: эта жизнь принадлежит мне, Суй Аню. Без моего разрешения тебе умирать запрещено.

Он смотрит на меня, и в его глазах вспыхивает странный свет.

Условлено.

А затем его фигура вспыхивает и растворяется в ночной темноте.

С тех пор я больше никогда его не видел.

Вплоть до сегодняшнего дня.

Я стою на последней ступени и смотрю на раскидистый баньян у тракта у подножия горы. Под деревом кто-то стоит. Черные одежды, за спиной меч, фигура прямая, как сосна. Лицо скрыто в тени соломенной шляпы, черт не разглядеть, но от всей его ауры воздух вокруг слегка искривляется.

Это мастер.

Из тех, что выше некуда.

Моя рука невольно сжимает рукав.

Этот человек замечает движение, поворачивается и снимает шляпу.

Молодое лицо. Брови мечом, глаза звезды, четкие черты. На переносице едва заметный шрам, словно полоснули чем-то острым.

Он смотрит на меня, стоящего на ступенях, и вдруг улыбается.

Сюй Ань.

Он произносит мое имя очень тихо, словно боится спугнуть.

Я замираю.

Это лицо... Где я его видел?

Десять лет назад.

У обрыва.

Тот парень весь в крови.

Ты...

Шэнь Цзинчжэ, — отвечает он. — Тот никчемный калека, которого ты спас десять лет назад в горах.

Я столбенею.

Шэнь Цзинчжэ. Сейчас в мире культиваторов нет никого, кто не знал бы этого имени.

Первый культиватор меча демонического пути. Единственный за последние триста лет непревзойденный гений, вошедший в ранг Святого через путь меча. В десять лет в одиночку ворвался в Секту Вэньцзянь, срубил двенадцать стражей, одолел трех владык меча и ушел невредимым. В пятнадцать в одиночку заглянул в Бездны Демонов, одним ударом меча сокрушил мириады демонов и добыл сердце Бездны Демонов, чтобы выковать из него свой собственный меч жизни. Не было ему и двадцати, как он уже снискал всеобщее признание в мире как Демон Меча.

Мир культиваторов наградил его восьмистишием:

Один удар меча — и вздымается буря, на мириады веков воцаряется тишина.

И в этот самый момент этот наводящий ужас на весь мир культиваторов Демон Меча стоит у баньяна под горой и улыбается мне.

Ты... почему ты здесь?

Шэнь Цзинчжэ опускает взгляд на собственную руку, сжимающую меч, а затем снова смотрит на меня.

Пришел вернуть долг.

Сердце у меня подскакивает.

Какой долг?

Он делает шаг мне навстречу. С каждым его шагом каменные крошки на земле едва заметно вздрагивают. Это не нарочное давление, просто его ци меча настолько сильна, что даже при ходьбе исходит естественная острота.

Он останавливается в трех шагах от меня.

Десять лет назад ты сказал мне, что эта жизнь — твоя, и без твоего разрешения мне умирать запрещено.

Он делает паузу и в упор смотрит на меня.

После я много раз получал ранения. Самое тяжелое — когда мне пробили грудь насквозь и вся кровь вытекла.

Но я не умер.

Потому что вспомнил твои слова. Впереди всех!

Он указывает пальцем на собственную грудь, в то место, где остался шрам от меча.

Ты сказал, что мне нельзя умирать. Значит, я не мог умереть.

Я: (...)

Погодите-ка.

Погодите, погодите, погодите.

То, что я сболтнул в восемь лет, он принял за чистую чистую монету?

И помнил целых десять лет?

Значит, — с трудом выдавливаю я, — ты пришел ко мне, чтобы...

Исполнить обещание, — с железобетонной уверенностью отвечает Шэнь Цзинчжэ. — Ты сказал, что моя жизнь принадлежит тебе.

Он опускается на одно колено и держит меч плашмя перед собой.

Движение четкое и резкое, без малейшего колебания.

С сегодняшнего дня эта жизнь Шэнь Цзинчжэ принадлежит тебе.

Я отступаю на шаг назад.

Н-нет-нет — постой, мне тогда было всего восемь...

Святой в восемь лет — тоже Святой.

Это было сказано до того, как я стал Святым...

Небесный Путь прослеживает всё от начала до конца, — спокойно говорит Шэнь Цзинчжэ. — В день, когда ты стал Святым, Небесный Путь пересмотрел все твои слова. Всё, что произносит Святой, становится законом. Поэтому я почувствовал призыв.

Я чуть дух не выпускаю.

Какой еще призыв? Ты что, на военную службу по призыву попал?!

Встань сначала... — я пытаюсь поднять его.

Не успеваю я коснуться его плеча, как от него во все стороны выплескивается резкая ци меча, чуть не срезав половину моего рукава.

Я каменею.

Шэнь Цзинчжэ тоже каменеет.

...Прости, — говорит он. — Защитная ци меча, автоматическая реакция.

Ты... можешь... убрать её?

Я постараюсь.

Он закрывает глаза, регулируя дыхание на мгновение, и окружающая его ци меча постепенно втягивается внутрь.

Затем он снова опускается на одно колено.

Прошу Святого принять меня.

Я с отчаянием смотрю на редких прохожих на тракте: некоторые уже начинают коситься в нашу сторону.

Человек в черном опустился на одно колено перед конфуцианским ученым, держа меч плашмя перед грудью — эта картина выглядит жутко со всех сторон.

Ты можешь для начала встать и поговорить? Мне чертовски неловко из-за того, как ты...

Прими меня или убей.

Шэнь Цзинчжэ поднимает глаза, и в его взгляде нет ни капли шуток:

Ты же сказал, что моя жизнь — твоя. Если она тебе не нужна, значит, у моей жизни нет хозяина. У жизни без хозяина Небесный Путь не признает. Раз Небесный Путь не признает, я должен умереть.

Кто это сказал?!

Ты сам.

Когда это я...

Ты только что сказал: Встань сначала и поговори — а нельзя. Потому что моя жизнь еще не принадлежит тебе.

Я открываю рот, но не могу вымолвить ни единого иероглифа.

Я вдруг отчетливо понимаю чувства Учителя в тот день, когда он хотел меня выгнать, но его при этом ударила молния.

Небесный Путь.

Тебе делать нечего, да?

Я делаю глубокий вдох, стараясь придать своему голосу спокойный тон.

Хорошо, принимаю.

В глазах Шэнь Цзинчжэ проносится яркая вспышка.

Но!

Я повышаю голос.

У меня есть условия.

Слушаю.

Первое: не опускаться на одно колено, стоять нормально и разговаривать. Второе: не называть меня хозяином, зови меня... просто Сюй Ань. Третье: обычно прячь ци меча, не пугай простых людей. Четвертое...

Я смотрю на него сверху вниз и не удерживаюсь:

Как ты умудрился столько лет помнить о той помощи в спасении жизни? Разве нормальные люди не должны всё забывать?

Шэнь Цзинчжэ на мгновение умолкает.

Потому что у меня была лишь одна причина выжить.

Его голос звучит равнодушно, будто он говорит о чужих делах.

В тот год, когда мне было восемь, всю мою семью вырезали. Враги сбросили меня со скалы, думая, что я наверняка умру. Когда я лежал в гряде камней и ждал смерти, пришел ты.

Ты сказал, что эта жизнь моя, и без твоего разрешения умирать нельзя.

В тот момент я впервые почувствовал, что жить можно и ради кого-то другого.

Он поднимается на ноги, оказываясь на полголовы выше меня, и смотрит мне прямо в глаза.

Поэтому, Сюй Ань, я пришел вернуть долг.

Ветер проносится сквозь горные кроны, поднимая прядь его распущенных черных волос.

Листья баньяна шелестят.

Я внезапно не знаю, что и сказать.

Для меня это воспоминание — лишь мимолетный добрый поступок в горах, совершенный в восьмилетнем возрасте. Вернувшись в комнату тем вечером, я спал как убитый, а на следующий день чуть было всё не забыл.

Для него же это был единственный свет в бездне.

Помолчав долгое время, я говорю:

Эту твою жизнь...

Он молча смотрит на меня.

Пока побудет в долгу.

Шэнь Цзинчжэ слегка хмурит брови: В долгу?

Верно. Ты должен мне жизнь. Когда она мне понадобится, тогда и вернешь. А до тех пор...

Я протягиваю руку и указываю на меч в его руке:

Будешь моим телохранителем.

Шэнь Цзинчжэ замирает на секунду, а затем уголки его губ трогает легкая улыбка.

Хорошо.

Но за плату, — добавляю я. — С меня еда и кров, а жалованья нет.

Договорились.

Он убирает меч в ножны и становится у моего левого плеча, чуть позади.

Стандартная позиция стража.

Куда теперь?

Куда теперь?

Я поднимаю взгляд к горизонту тракта. Сумерки сгущаются, далекие горы похожи на тушь. После спуска с горы мир так велик, что, кажется, можно отправиться куда угодно.

Но куда именно?

Я немного думаю над этим и прихожу к выводу.

...Сначала найдем место, где можно поесть. Я проголодался.

Шэнь Цзинчжэ бросает на меня взгляд.

И тогда первый культиватор меча демонического пути, прославленный на весь мир Демон Меча, с бесстрастным лицом произносит:

Я знаю, впереди в городке есть одна лавка, там очень вкусные вонтоны.

...

Что у тебя за выражение лица?

Ничего, — говорю я. — Просто не ожидал, что такой мастер, как ты, ест вонтоны.

Культиваторы меча — тоже люди, — серьезно произносит Шэнь Цзинчжэ. — Вонтоны там с тройной начинкой, тесто тонкое, мяса много, бульон варится на костях целых шесть часов, и все это посыпается горсткой зеленого лука...

Ведешь.

Пошли.

Две фигуры двигаются по тракту вглубь сгущающихся сумерек.

Ветер шумит в ветвях баньяна на горе, шуршат листья.

Где-то далеко в облаках на мгновение мелькает золотой свет, словно старик Небо довольно прищурился.

А по другую сторону тракта, за стволом большого дерева.

Девушка в одеяниях Секты Лазурного Облака изо всех сил колотит дерево кулаками.

Сюй Ань, погоди у меня...

Лю Руянь скрипит зубами, в глазах стоят слезы, а в руке она сжимает только что полученный указ Небесного Пути.

На указе всего одна строка золотых иероглифов:

Слова Святого: Старшая соученица, такие слова не считаются. — Резолюция Небесного Пути: Считаются. Пожалуйста, выполните процедуру стоять на голове, летать и звать дедушкой в течение тридцати дней, при просрочке считать нарушением договора, культивация обнуляется.

Уу-у...

Она со слезами сминает указ в комок.

А затем бросается в погоню за двумя удаляющимися фигурами на тракте.

(Конец второй главы)